
РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ²

М.С. Топчиев
(Россия, г. Астрахань)

В данной статье дается понятийный анализ проблемы конфессиональной безопасности. Анализируется понятие религиозной идентичности применительно к поликультурному региону. Раскрываются механизмы создания системы конфессиональной безопасности в сложных условиях поликультурности и пограничья.

This article provides a conceptual analysis of the problem of confessional security. A concept of religious identity is analyzed in relation to a policultural region. Mechanisms of establishing of a system of confessional security is researched in a complex conditions of a policultural frontier.

Ключевые слова: культурная безопасность, религиозная безопасность, религиозная идентичность, конфликт, чужой, полиэтничность, поликультурность.

Key words: cultural security, religious security, religious identity, conflict, foreign, poliethnicity, a policultural.

Любой поликультурный регион полиэтничен и поликонфессионален по определению. И это, наряду с многоголосием и многоаспектностью культурной жизни, создает целый ряд точек напряженности. Эти точки подчас взаимосвязаны. Проблема безопасности всегда являлась актуальной для любой страны и любого региона, но наибольшую остроту она приобретает в полиэтничных регионах. Именно там особенное рельефной становится проблема восприятия «другого» как «чужого».

Проблема безопасности чрезвычайно сложна и многослойна, а само понятие «безопасность» распространяется на весьма широкие сферы: от государственной безопасности до безопасности жизнедеятельности, причем появляются все новые сферы, требующие особого внимания к безопасности, в том числе культурная и конфессиональная.

Термин «культурная безопасность» достаточно новый и еще недостаточно разработанный теоретически [11]. За рубежом начали появляться первые определения культурной безопасности именно в культурологическом ключе только в последние десятилетия, когда она стала трактоваться прежде всего как «способность общества сохранить специфические характеристики, несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы. Если говорить более подробно, то это включает в себя постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что должно быть исключено» [2].

В отечественной литературе термин «культурная безопасность» трактуется как весьма широкий и рассматривает культуру не только как объект, но и как фактор обеспечения безопасности. «Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере, предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников, но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания... Это и защита культуры от угроз и одновременно создание условий для ее гармоничного развития» [11, с. 92]. Поскольку безопасность есть состояние системного равновесия, то поддержание наработанных культурных паттернов во многом стабилизирует ее. Вполне справедливо в этом случае замечание А.Я. Флиера о том, что по-настоящему безопасное общество то, где люди в абсолютном большинстве своем сознательно и

---

² Работа подготовлена при поддержке РГНФ проект 2010–12. 10-03-00643а «Чужой и культурная безопасность».

целенаправленно соблюдают общепринятые нормы жизнедеятельности, то есть являются культурными [12, с. 181–187].

Конфессиональная безопасность является частью культурной безопасности. Термин конфессиональная безопасность еще недостаточно определен, хотя в последние годы появляется в том или ином виде в научной литературе. Более того, в отечественной научной и публицистической литературе часто встречаются два, на первый взгляд, взаимозаменяемых понятия – «конфессиональная безопасность» и «религиозная безопасность». Однако, как не тождественны сами понятия конфессии и религии, так и не тождественны понятия религиозной и конфессиональной безопасности. Дефиниции последних в отечественной литературе выведены недостаточно четко, поэтому попробуем их отграничить.

Прежде всего нам необходимо определиться, что мы понимаем в контексте нашего исследования под базовыми категориями – религия и конфессия. Термин «религия», хотя и общепотребим, весьма сложно дефинируем. Существует множество подходов к определению религии: теологический, философский, социологический, психологический, этнологический и т.д.

В классическом учебнике кафедры религиоведения МГУ указывается на сложность самого определения религии в силу того, что из-за видового многообразия религий формально-логическая дефиниция тут не работает. Поэтому религия определяется «как сфера духовной жизни общества, группы, индивида, способ практически-духовного освоения мира и область духовного производства. В качестве таковой она представляет собой: 1) проявление сущности общества; 2) необходимо возникающий в процессе становления человека и общества аспект их жизнедеятельности, ее активно действующий компонент; 3) способ выражения и преодоления человеческого самоотчуждения; 4) отражение действительности; 5) общественную подсистему; 6) феномен культуры» [10, с. 52–53].

Названные аспекты задают «шестимерный континуум», внутри которого осуществляется синтез различных определений, на пересечении указанных «плоскостей» завязываются понятийные узлы, воссоздающие данное явление с разных его сторон [15, с. 227].

В словаре Брокгауза и Евфрона религия рассматривается как «организованное поклонение высшим силам. Религия не только представляет собою веру в существование высших сил, но устанавливает особые отношения к этим силам: она есть, следовательно, известная деятельность воли, направленная к этим силам» [14, с. 539–544].

В Британском словаре тоже акцентируется факт сложности создания единого определения, подходящего для всех религиозных комплексов. Анализируя недостатки различных подходов к определению религии, в статье показывается, что даже вера в бога не является обязательным атрибутом любой религии. Определение же религии через понятие сакрального влечет за собой необходимость определения последнего, что не является признаком удачной дефиниции. Поэтому наиболее приемлемым автор считает определение религии как системы общей веры и практики относящейся к сверхчеловеческому бытию [1, с. 915–916].

Термин «конфессия» (лат. *confessio* – исповедание) в классических западных словарях определяется по-разному. Во-первых, как публичное или частное подтверждение веры в идеях или доктринах, разделяемых в рамках определенной системы веры [3, с. 86–89], либо как формальное утверждение догматической веры, предназначенное для общественного признания индивидуумом, группой, паствой, Синодом, или церковью. Чаще всего ассоциируется с протестантскими церквями [1, с. 248–249].

Таким образом, термином «конфессия» определяется либо как определенная религия, конкретное вероисповедание, отдельное вероучение, либо как специфика вероисповедания в пределах определённого религиозного учения, а также как конкретный религиозный институт. В классическом религиоведении этот термин используется практически только для различения исповеданий в христианстве, однако в политической плоскости он все чаще начинает употребляться применительно ко всем религиям, поскольку каждая внутри основного ствола имеет различные вероучения.

Итак, когда мы говорим о религии, то мы имеем в виду некую всеобъемлющую социальную систему, выстраивающую отношения человека со сверхъестественными силами и реализующуюся во множестве форм.

Под конфессией же понимаем конкретную форму этого взаимодействия, регулируемую системой правил, требований положений, догм, как правило, зафиксированную в устном или письменном предании.

Как не тождественны понятия «религия» и «конфессия», так различаются и понятия «конфессиональная» и «религиозная» безопасность. Понятие религиозной безопасности чаще всего употребляется в отечественной литературе православного характера в основном в контексте защиты традиционной православной религии от современных нетрадиционных культов, имеющих экстремистский характер. Современными теологами создаются механизмы защиты от вступления молодежи в подобные секты [6]. Система этих механизмов и является основой таким образом понимаемой религиозной безопасности. По сути своей понятие религиозной безопасности в данном контексте является тождественным понятию безопасности (сохранения) традиционной религии (православие, ислам и т.д.)

Камнем преткновения в данной трактовке является вопрос о традиционных религиях и о создании систем преференции именно для них. С одной стороны, идея свободы совести и вероисповедания предоставляет равные права всем религиям, не наносящим вреда человеческому здоровью и личности, с другой стороны, как считают сторонники изменения существующего законодательства в религиозной сфере, это наносит ущерб религиозной идентичности нации. По мнению И. Куницына «в результате концептуально безличный и юридически некорректный закон "О свободе совести...", основанный на мифическом "международном" стандарте, наносит вред религиозной идентичности народов России на всей ее территории. Базируясь на принципе императивного регулирования, он одинаково регулирует проблемы, требующие дифференцированного подхода... Чтобы решение этой уже застарелой проблемы не зашло бы в тупик, статус традиционной конфессии должен предоставляться парламентом путем принятия соответствующего закона. В отличие от ряда зарубежных стран, многонациональная и многоконфессиональная структура общества порождает необходимость в вертикальной дифференциации правового статуса традиционных конфессий: одним конфессиям он должен присваиваться на федеральном, а другим, имеющим достаточную социальную базу лишь в пределах субъекта федерации, на региональном уровне. Такое положение фактически уже начало спонтанно складываться в регионах, поскольку законодательство ряда субъектов федерации признает наличие разницы в социальном статусе конфессий» [5]. Именно такого рода механизмы правовой стратификации и ограничений становятся основой формирования системы религиозной безопасности.

Термин «конфессиональная безопасность» употребляется в основном в политической плоскости. Так, в диссертационном исследовании А.И. Шустевой такая форма безопасности позиционируется как государственно-конфессиональная и дается ее определение. «Государственно-конфессиональная безопасность включает в себя политико-правовые технологии и институты государственного вмешательства, контроля и регулирования, обеспечивающие конструктивный диалог конфессий и государства, способствующие нейтрализации угроз и разрешению этноконфессиональных и межконфессиональных конфликтов, а также препятствующих разрушению единого духовно-нравственного пространства страны. В государственно-конфессиональная безопасность представляет собой одно из основных направлений правовой политики государства, выражающееся в совокупности исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязи между институтами государства и институциональными религиозными субъектами (религиозными сообществами, религиозными партиями, религиозными движениями, конфессиональными центрами)». [13, 14] Однако данная дефиниция носит скорее юридический, нежели политологический характер.

Понятие конфессиональной безопасности в последнее время используется и политическими деятелями, в том числе Н. Назарбаевым, который определяет ее как

«систему государственных гарантий и поддержки духовного потенциала народов и наций и одновременно противодействий угрозам свободе вероисповедания и межрелигиозному согласию» [9].

Термин «конфессиональная безопасность», как нам кажется, в отличие от термина «религиозная безопасность», дает возможности для более широкого толкования этой проблемы. Под конфессиональной безопасностью понимается как система сохранения контентного содержания любой конфессии и ее культовой оболочки, так и предотвращение конфликтов на конфессиональной почве. Под конфессиональной безопасностью может рассматриваться система условий для полноценного развития различных конфессий в едином культурном пространстве, предотвращающая или, по крайней мере, смягчающая конфликты, связанные с конфессиональной принадлежностью.

Понятие «конфессиональная безопасность», с нашей точки зрения, шире и понятия «государственно-конфессиональная безопасность», поскольку наряду с государственной безопасностью и системой государственно-конфессиональных отношений охватывает и межконфессиональные проблемы, и личную безопасность, а так же сохранение религиозной идентичности не только на национальном, но и на личностном уровне.

Действительно, проблема конфессиональной принадлежности является не столько теологическим вопросом определения веры, сколько фактором идентификации себя с определенным религиозным вероисповеданием, а очень часто посредством этого и с определенным этносом, территорией, образом жизни. «Причисление себя к определенному религиозному течению, прежде всего, традиционно представляемого институционализированными конфессиями и оказавшего влияние на историческое становление российского общества, играет роль устойчивого идентификационного основания, а не религиозной ориентации как таковой» [8, с. 79]. Ведь, по сути, идентичность (англ. *identity*) – это характерная черта человека, связанная с его ощущением собственной принадлежности к определенной группе – политической партии, народу, религиозной конфессии, расе и пр.

Надо заметить, что в данной статье мы употребляем термин «религиозная идентичность» как традиционно используемый, хотя было бы уместнее говорить о конфессиональной идентичности. Мы говорим о соотношении себя с широким религиозным направлением, например христианством, исламом или буддизмом только в рамках противопоставления данной системы веры эквивалентной по значимости системе. Мусульманин идентифицирует себя с исламом в целом, прежде всего, в сопоставлении с христианством. Внутри же ислама идет жесткая конфессиональная и этноконфессиональная идентификация. Так, в Астрахани, где ислам занимает второе место по численности верующего населения, всегда существовали четко дифференцированные места религиозного поклонения. До XX в. это был конфессиональный характер деления: шиитская (персидская) мечеть и суннитские – остальные мечети. В настоящий момент, когда персидская мечеть разрушена, преобладает этноконфессиональный принцип – это татарские, чеченская, азербайджанская, дагестанская мечети.

Религиозная идентичность действительно очень часто является маркером культурной идентичности. Социологические исследования показывают, что за «самоидентификацией себя в качестве *православного* в ряде случаев стоит не исповедание веры, не принятие православного образа жизни, а исключительно признание православия в качестве исторически сложившейся в нашей стране *культурной традиции*. Логичным результатом такого признания становится использование «православности» в качестве надежного и вместе с тем вполне конвертируемого символического капитала, что позволяет расценивать православную идентичность этого рода как один из симулякров постмодерной культуры» [4, с. 171]. В этой ситуации для отождествления личности с православной традицией нет необходимости воцерковленности, принятия не только чисто внешних элементов православной культуры, но православного образа жизни и глубокого проникновения в догматику. В случае поликультурной или мультикультурной среды логичнее говорить об этно-религиозной идентичности, поскольку принадлежность человека к определенной диаспоре является очень часто основным культурным маркером.

В любом случае проблема этно-религиозной идентичности встраивается в систему конфессиональной безопасности, прежде всего на фоне глобализационных процессов, обусловленных интенсивной внешней и внутренней миграцией. Любые кризисные ситуации обостряют восприятие собственной этно-религиозной идентичности. А в условиях интенсивной миграции в отсутствие внятной социальной политики возрастает значение именно этно-религиозной идентичности. Учет ее возрастающей роли и связанных с этим проблем должен лечь в основу совершенствования механизма конфессиональной безопасности. Это связано непосредственно с восприятием «своего» и «чужого», которое в поликультурных регионах является достаточно размытым. Исследования социологов во всероссийском масштабе показывают, что значительный процент респондентов разных конфессиональных групп не воспринимает представителей единых с ними конфессионально-культурных общностей, но далеких территориально, в качестве «своих». «Своими» скорее выступают соседи, представители других конфессий, но разделяющие некую общность бытия. «Так, у православных отношение к татарам и башкирам лучше, чем к единоверным грузинам и молдаванам, а респонденты буддийской группы воспринимают представителей восточно-азиатской (буддийско-конфуцианской) культуры – китайцев и вьетнамцев – в качестве представителей иностранных торговых диаспор, но не как единоверцев». [7, с. 26] Подтверждают это и локальные социологические исследования, проведенные в 2010 г. в рамках Аналитической ведомственной целевой программы среди студентов Астраханского государственного университета. Только 1,5 % обозначили как «чужого» представителя другой религии, 7,6 % – представителя другой «национальности». Для 35,9 % – «чужой» – иностранец, то есть территориально и ментально неблизкий человек.

В последнее время в Европе участились стихийные погромы, организованные мигрантами, и в обыденном сознании это, естественно, связывается с их религиозной, прежде всего, мусульманской, идентичностью. Такая связь имеется, «но не в качестве первопричины, а как идеологическое обрамление, которое привычно и близко для вовлеченной в волнения исламской молодежи» [7, с. 27]. Очень часто этно-религиозная идентичность становится объектом политических манипуляций или неграмотных политических действий. Социологические исследования показывают, что этно-конфессиональные характеристики являются, прежде всего, наиболее яркой оболочкой конфликтных ситуаций, и основная масса респондентов осознает их социально-экономические и политические корни. «Степень же воздействия религиозной идентичности акторов этих противостояний на происходящие процессы зависит от исторических условий, особенностей социально-политического строя, демократических и культурных традиций данного общества, от уровня правового и нравственного развития его членов, амбиций его лидеров, нередко представляющих собственные интересы в качестве интересов всей культурной общности. Религия, не будучи при этом первопричиной, лишь дает дополнительный импульс, мобилизует, сплачивает участников движений, придает им определенную устойчивость и целенаправленность» [7, с. 32].

Сама по себе религиозная идентичность не является результатом политической деятельности, политический выбор не является ее жестким коррелятом, однако потенциал, формы и характеристики ее проявления зависят от социально-политических условий.

Поликультурный регион создает особые условия для взаимодействия различных религиозных идентичностей, что необходимо учитывать при создании системы конфессиональной безопасности.

Библиографический список

1. *Britannica encyclopedia of World Religions*. – London, 2006.
2. *Scott, F.* Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security / F. Scott // Northern Research Forum. Plenary on Security. – Yellowknife, 2004.
3. *Stout, D.* The encyclopedia of religion, communication and media / D. Stout. – N. Y. – London, 2006.
4. *Ипатова, Л. П.* Православная идентичность как персональный портрет / Л. П. Ипатова // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – Москва : Ин-т социологии РАН, 2006.
5. *Куницын, И.* Защита религиозной идентичности в эпоху глобализации / И. Куницын. – Режим доступа: //cid:op.mhtml.1286870365535.1c3e855b2804d084@94.233.186.59, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. *Куряев, А.* Техника религиозной безопасности. – Режим доступа: <http://www.benjamin.ru/logos/kuraev/0003.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. *Мчедлов, М. П.* Общие вопросы религиозной идентичности. К постановке проблемы, условия ее объективного анализа / М. П. Мчедлов // Религия в самосознании народа. Хрелигиозный фактор в идентификационных процессах). – М : Ин-ут социологии РАН, 2008. – С. 13–33.
8. *Мчедлова, М. М.* Роль религии в современном обществе / М. М. Мчедлова // Социологические исследования. – 2009. – № 12.
9. *Нысанбаев, А.* Безопасность Казахстана / А. Нысанбаев, Р. Кадыржанов // Казахстанская правда. – 2003. – 19.02.
10. *Основы религиоведения*. – М, 2008.
11. *Романова, А. П.* Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности / А. П. Романова, О. Мармилова // Человек, общество, управление. Научно-информационный журнал. – 2008. – № 2.
12. *Флиер, А. Я.* Культура как фактор национальной безопасности / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. 1998. № 3.
13. *Шустева, А. И.* Институционально-правовое обеспечение государственно-конфессиональной безопасности в постсоветской России : автореф. дис. канд. юр. наук / А. И. Шустева. – Ростов-н/Д., 2008.
14. *Энциклопедический словарь* / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 26А. – СПб., 1899. – С. 539–544. Религия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
15. *Яблоков, И. Н.* Религиоведение / И. Н. Яблоков. – М., 1998.